

Сюй Хун^{1✉}, Ван Лэй²

¹Харбинский политехнический университет
²Хэйлунцзянский научно-технический университет
г. Харбин, Китайская Народная Республика
rainqili@126.com

Двунаправленность и бесконечность связи знака и смысла в процессе семиозиса

Аннотация

Семиозис по-прежнему остаётся одним из самых спорных вопросов в семиотике вообще и в языке как семиотической среде – в частности. Цель данной статьи состоит в выявлении общего и отличного в понимании процесса семиозиса, его элементов и векторов в западных, российском и китайском семиотических учениях и формулирование положений, позволяющих расширить объяснительные возможности семиотики для охвата большего количества ситуаций производства языковых знаков в разных лингвокультурах. Для этого мы использовали гармоничное сочетание дедуктивного и индуктивного методов. Анализ 1) трудов основоположников семиотики западных философов и лингвистов Ч. С. Пирса, Ф. де Соссюра, Ч. У. Морриса, У. Эко и их более поздних интерпретаций, 2) работы известного российского лингвиста Ю. С. Степанова и 3) изысканий представителей китайского семиотического направления Чжао Ичэня, Ван Миньюй, Юй Хунбина позволил утверждать, что самой эффективной объяснительной силой обладает триадическая схема семиозиса Ч. Пирса. Она включает динамический объект, знакового проводника (медиума) и интерпретанту и реализует многовекторный характер отношений элементов триады. Разнонаправленность семиозиса обеспечивает его всеобъемлющий характер и бесконечность, которая в свою очередь способствует постоянному прямому и обратному преобразованию знаков и смыслов через интерпретацию. При этом человек, производящий интерпретацию посредством языка в языковой среде, является краеугольным камнем и основной движущей силой бесконечной семиотической деятельности.

Ключевые слова: семиотика, язык, семиозис, вектор семиозиса, бесконечность семиозиса, принцип формирования китайских иероглифов

© Сюй Х., Ван Л. 2024

Для цитирования: Сюй Х., Ван Л. Двунаправленность и бесконечность связи знака и смысла в процессе семиозиса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 4. С. 145–156. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-4-145>

Xu Hong^{1✉}, Wang Lei²

¹Harbin Institute of Technology, ²Heilongjiang University of Science and Technology
Harbin, China
rainqili@126.com

The bidirectionality and infinity between symbol and meaning in semiotic process

Abstract

The semiotic process still remains one of the most controversial issues in semiotics, in general, and in language as the most complicated semiotic environment, in particular. This paper aims to reveal common and specific features in understanding the semiotic process, its elements and vectors found in Western, Russian and Chinese semiotic concepts to formulate regularities that enable to enlarge explanatory possibilities of semiotics and apply

it to a bigger variety of situations explaining the mass production of language signs in different linguocultures. The study exploited the harmony of deductive and inductive methods. The analysis of books and papers written by (i) such Western founders of semiotics as Ch. Peirce, F. de Saussure, Ch. Morris, U. Eco and their more recent interpretations, (ii) the work of a famous Russian linguist Yu. S. Stepanov, (iii) studies by such Chinese representatives of the semiotic trend as Zhao Yiheng, Wang Mingyu, Yu Hongbing enables to argue that triad pattern of semiotic process possesses the most powerful explanatory ability. According to Peirce, it includes the dynamic object, the medium and the interpretant manifesting a multi-vector relationship within the triad. Poly-vector mode determines its all-embracing nature of semiotic process and guarantees its infinity that in its turn facilitates constant direct and indirect transformation of signs and meanings through interpretation. A person performing interpretation by means of language in language environment is the cornerstone and the core driving force in semiotic activity.

Keywords: semiotics, language, semiotic process, semiotic process vector, infinity of semiotic process, the principle of creating Chinese characters

© Xu H., Wang L. 2024

For citation: Xu, H., & Wang, L. (2024). Dvunapravlenost' i beskonechnost' svyazi znaka i smysla v protsesse semiozisa [The bidirectionality and infinity between symbol and meaning in semiotic process]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (4), 145–156. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-4-145>

1. Введение [Introduction]

Семиозис – одно из важных понятий семиотики, которое с момента своего зарождения привлекало внимание учёных, в том числе лингвистов, и вызывало бурные обсуждения в широких кругах сторонников семиотического направления в разных сферах. Несмотря на то, что исследователи с момента возникновения семиотики и до сих пор по-разному трактуют процесс семиозиса и его составляющие элементы (ср. оригинальная триада Ч. С. Пирса, более поздняя дихотомия Ф. де Соссюра в применении к языку как одной из семиотических систем; возможная четвёртая составляющая знака у Ч. У. Морриса, полемика У. Эко с самим собой о конечности или бесконечности интерпретаций в процессе семиозиса¹ и т. д.), большинство специалистов в области семиотики сходятся во мнении о направлении семиозиса: это позитивный, или прямой, семиозис от знака (в том числе языкового) к смыслу (выраженному через язык), от означающего к означаемому. Между тем существует и так называемый обратный процесс от смысла к знаку, который часто игнорируется.

Понятие «обратный семиозис» впервые было употреблено в семиотической теории Ч. С. Пирса (анализ трудов Ч. Пирса с библиографическим описанием см. в [Peirce's theory of signs, 2022]). Семиотическая триада Пирса (ни в изначальном виде «знак – объект – интерпретанта», ни в более поздних модификациях этой триады в сторону динамичности объекта) не предписывает постоянного направления понимания знаков. Интерпретируя эту идею Пирса, М. Ван [Ван, 2015, с. 115–116] предположила, что «если мы понимаем знаки как составляющие, произведённые в прямом или обратном направлении, мы получаем, соответственно, два типа знаков: прямые (положительные) знаки и обратные (отрицательные) знаки. В первом случае «медиум (знаковый проводник) предшествует объектам, а объекты предшествуют значению». В последнем случае весь процесс «перевёрнут». Это очень важная идея, которая до сих пор не получила достаточного внимания в семиотических кругах. Мы разделяем мнение о том, что семиозис не должен быть интерпретативной деятельностью с постоянным направлением.

¹ Анализ концепции У. Эко см. в [Чёренькая, 2016].

На самом деле связь между знаком и смыслом может быть двунаправленной. Эти двунаправленные процессы семиозиса тесно связаны друг с другом, а их органическое соединение образует последовательный и упорядоченный бесконечный процесс семиозиса. Кроме того, направления семиозиса могут определяться как достоверностью, так и ирреальностью, что можно особенно хорошо проследить в областях религии и языка (напр., см. о семиозисе в художественном тексте, где ирреальное может быть представлено как достоверное [Дзюбенко, 2023]).

Ц е л ь статьи состоит в выявлении общего и отличного в понимании процесса семиозиса, его элементов и векторов в западных, российском и китайском семиотических учениях и формулирование положений, позволяющих расширить объяснительные возможности семиотики для охвата большего количества ситуаций производства языковых знаков в разных лингвокультурах. Для достижения поставленной цели мы использовали гармоничное сочетание дедуктивного и индуктивного методов, а также собственный языковой опыт как носителей китайской лингвокультуры.

М а т е р и а л о м для исследования послужили 1) труды основоположников семиотики западных философов и лингвистов Ч. С. Пирса, Ф. де Соссюра, Ч. У. Морриса, У. Эко и их более поздние интерпретации; 2) монография известного российского лингвиста Ю. С. Степанова и более поздняя интерпретация семиотических идей автора, 3) изыскания представителей китайского семиотического направления Чжао Ихэн, Ван Миньюй, Юй Хунбина (см. эти работы в библиографическом списке).

2. Основные элементы семиозиса [Basic elements of semiotic process]

В более ранней оригинальной триаде Ч. С. Пирса и в более поздней дихотомии Ф. де Соссюра представлены два разных подхода к семиотическому развитию. В применении к языку как семиотической системе Соссюр, упрощая ситуацию, назвал знаком единство понятия (означаемого) и звукового образа (означающего) [Соссюр, 2015, с. 95], представив знак как дуалистическое отношение. Согласно оригинальной теории Пирса, «знак – это то, что представляет что-то в определённом аспекте или определённую характеристику для кого-то», при этом знак представляет собой «триединство», состоящее из медиума, или знакового проводника (M-medium), О-объекта (O-object) и интерпретанта (I-interpretant). По сути, данная схема (треугольник) не имеет постоянной направленности, следовательно, различные процессы семиозиса могут быть инициированы из любой точки – медиума, объекта или интерпретации.

Судя по динамике развития современной семиотики, идеи Пирса признаны многими семиотиками на родине лингвиста и за рубежом, включая китайскую семиотическую школу. Среди последователей Ч. С. Пирса нельзя не отметить Ч. У. Морриса, У. Эко, Т. Шебёка и китайских семиотиков, таких как Сюй Шэнхуань и Чжао Ихэн, которые включили в свои семиотические теории элементы семиотики Пирса, в той или иной степени применили его теорию, но в то же время привнесли свои собственные идеи (ср. хотя бы, насколько значительно отличаются концепции Ч. С. Пирса и Ч. У. Морриса [Муштафин, 2022]). Так, обсуждая взаимосвязь между реальным и виртуальным существованием и разумом, Сюй Шэнхуань предложил модель «треугольник интенционального объяснения». Эта модель исследует отношения между разумом, объективным и субъективным миром, используя термин Пирса «интерпретанта». В ней «интерпретанта», «интерпретируемое» и «интерпретация» составляют «треугольную схему интенциональности» [Цит. по : Лю, 2014, с. 23]. Чжао Ихэн упоминает три вида значения, когда говорит о семиозисе: «интенциональное значение» отправителя информации, «текстовое значение» знака и «интерпретативное значение» получателя. Эти три значения не присутствуют одновременно, но только интерпретационное намерение интерпре-

татора заставляет знак нести смысл, и интерпретация является тем местом, где смысл знака окончательно реализуется [Чжао, 2016, с. 49–50]. Можно видеть, что «интерпретация» является очень важной частью семиозиса, будучи необходимой частью самого знака. Элементы, участвующие в семиозисе, и являются составными компонентами знака. Таким образом, мы присоединяемся к семиотикам, разделяющим идею триады и считаем, что семиозис включает в себя три элемента: носитель знака, интерпретацию и смысл. Для краткости термин «носитель знака» прямо называют «знаком». Интерпретация – это промежуточное звено, соединяющее носитель знака и смысл, и какую бы интерпретацию ни предлагал интерпретатор, связывая два других компонента, образующееся при этом триединство и есть знак.

В настоящее время многие китайские и западные теоретики, вслед за Ч. У. Моррисом и вразрез точке зрения Ч. С. Пирса об абстрактности составляющих триады (включая динамический объект)², эксплуатируют идею материальности в познании знаков, что соответствует бихевиористскому и биологическому подходам (см. оригинальные труды Ч. У. Морриса, напр., [Morris, 1946]). Мы не разделяем столь прямолинейный подход и, вслед за Ч. С. Пирсом, считаем, что восприятие нематериальности также может стать знаком и войти в процесс семиозиса. Например, пробелы в тексте, внезапная тишина в разговоре, паузы в чтении, дыхание в музыке и социальные сообщения без откликов – всё это называются пустыми местами, они могут восприниматься и имеют интерпретируемый смысл, который Шебёк называет «нулевым знаком» (zero sign) [Sebeok, 1985, p. 118]. Способность быть интерпретированным и иметь смысл является ключом к тому, чтобы конкретный объект или нечто абстрактное через восприятие стало знаком. Тот факт, что знаки возникают, проходя через восприятие и анализ опыта делает очевидной абстрактность любого из трёх компонентов триады и саму триаду в целом. Иными словами, знак обращается к предмету реальной действительности не напрямую, а через пространство априорных понятий, задаваемых языком и культурой [Бразговская, 2019, с. 172].

Что касается смысла, то нам импонирует формулировка Чжао Ичэня: «Смысл – это потенциал знака быть интерпретированным другим знаком, а языковая интерпретация – это реализация смысла» [Чжао, 2016, с. 2]. Это краткое изложение смысла с точки зрения отношений между знаком, языковой интерпретацией и смыслом (выраженным посредством языка) полностью соответствует идее Ч. С. Пирса о «росте знаков»: каждый знак не существует изолированно, знак объясняется через знак, а это объяснение и есть интерпретация; объясняется именно смысл знака, и этот смысл становится новым знаком после того, как осознаётся через интерпретацию.

Именно эти три элемента – знак, интерпретация и смысл – в большей степени ориентированы на человеческое восприятие и познание мира человеком с помощью языка. Традиционная семиотика всегда исследует фиксированную связь между означающим и означаемым, она в высшей степени является социальной, и это отношение, которое трудно изменить после того, как оно определено. Человек должен играть решающую роль в установлении этой связи, но после этого роль человека станет менее значительной, иными словами, когда отношения между предметами и понятиями установлены и закреплены, человек является лишь пассивным носителем. Это приводит к замкнутости знаковой системы и к её статичности, с чем нам сложно согласиться. Современная семиотика должна рассматривать семиозис с точки зрения динамики человеческого познания. Когда конкретный объект или нечто абстрактное привлекает наше внимание, мы всегда бессознательно исследуем его значение, которое может быть условно социальным или уникальным для того или иного индивида. То, какая именно природа «возьмёт верх» в процессе семиозиса, зависит от интерпретативного поведения

² Сравнение концепций Ч. С. Пирса и Ч. У. Морриса см., напр., в [Мустафин, 2022].

индивида, и «в интерпретации часто бывают случаи, когда предписываемость социальной культуры уступает место воле индивида» [Чжао, 2016, с. 35]. Поэтому динамический характер человеческого познания играет ключевую роль в процессе семиозиса.

Таким образом, решающая роль человека раскрывается не столько в объекте и не только в смысле, сколько в языковой интерпретации. Будучи промежуточным звеном между знаком и смыслом, интерпретация с помощью языка является ядром семиозиса. И именно здесь люди проявляют свою субъективную инициативу, особенно в знаковой деятельности, где на первое место выходит уникальность личностного языкового опыта. Интерпретация получателя знака очень важна, поскольку именно получатель знака выносит суждение о знаке и определяет направление последующего процесса семиозиса.

3. Неориентированность семиозиса [Non-directional features of semiotic process]

Как уже было сказано, вопрос о направлении семиозиса не получил в современной семиотике должного освещения. Когда речь идёт о семиозисе, почти все семиотики начинают с «вещей». Так, Р. Барт утверждает, что существует два способа семиозиса: превращение вещей в «социокультурные знаки» и в «экономические знаки» [Барт, 1999, с. 13] – путь от вещей, принадлежащих к разным сферам, к символизирующим их знакам. У. Эко предлагает трёхступенчатую теорию семиозиса: мыслящий субъект определяет функцию объекта, его классифицирует на основе знаний, носящих принципиально энциклопедический характер, и называет (см. базовый оригинальный труд [Есо, 1976] и его более поздние интерпретации, напр., в [Desogus, 2012]). Чжао Ихэн предположил, что семиозис, то есть интерпретация смысла восприятия, является основным способом обработки людьми опыта... Семиозис придаёт смысл нашему мировосприятию. До тех пор, пока оно символизируется, даже если оно кажется совершенно бессмысленным, оно может быть интерпретировано как смысл [Чжао, 2016, с. 33].

Анализ собственно семиотических трудов и работ, в которых так или иначе рассматривается семиозис, наводит на очевидный вывод о примате носителя знака – человека интерпретирующего с помощью языка³. Процесс семиозиса начинается с носителя знаков, которые мы воспринимаем, и смысл предмета интерпретируется при определённых условиях, что, собственно, и есть процесс придания смысла динамическому объекту, и этот процесс в нашем понимании является позитивным (позитивно направленным) процессом семиозиса. Таким образом, отправной точкой, в отличие от большинства семиотиков, для нас выступает не конкретный объект или абстракция, а человек, который может задавать уникальные направления в процессе семиозиса.

На самом деле, все представления о знаках, которые воплощают лишь позитивный семиозис, в той или иной степени демонстрируют центральную идею о «постоянной направленности», означающую, что отношения между элементами триады фиксированы и не могут быть изменены. Если семиозис имеет только позитивное направление, то он начинается только с объекта и достигает смысла через интерпретацию, но такого понимания семиозиса недостаточно, чтобы охватить всё производство знаков в социальной жизни человечества.

Нельзя сказать, что зарождение и создание новых знаков, а также развитие и прогресс культуры возможно только от объекта. Например, популярные словосочетания в интернете «喜大普奔», «人艰不拆», «累觉不爱», «不明觉厉» и т. д. Рассматривать их смысл и глубинные причины их возникновения с точки зрения позитивного семиозиса будет трудно, а с точки зрения генерации знаков они получаются путём принятия смысла в качестве отправной точки и переписывания существующих знаков. Например, «喜大

³Мы полностью осознаём наличие семиотических систем, созданных не только человеком, но и животными, однако семиотические системы животных предметом рассмотрения данной статьи не являются.

普奔» состояются из первых слов следующих четырёх идиом: 1) 喜闻乐见 'рад видеть и слышать', 2) 大快人心 'плохие наказываются, что делает всех очень счастливыми', 3) 普天同庆 'всему миру праздновать', 4) 奔走相告 'спешить, чтобы рассказать важные новости друг другу'. Ясно, что эта составная идиома направлена на выражение большой радости от ожидаемого результата. Перечисление синонимичных идиом призвано подчеркнуть интенсивность этого радостного возбуждения. Таким образом, вместо того, чтобы признать позитивное измерение семиозиса эпистемологической основой такого вида исследований, лучше сказать, что процесс семиозиса с исходным пунктом «смысл», позволяет глубже понять творческую деятельность в китайской идиоматике. Таким образом, процессу семиозиса следует присвоить характеристику «ненаправленность».

Последний пример из современной китайской идиоматики полностью соответствует одному из положений теории Ч. С. Пирса, о том что знак сам по себе приобретает своё бытие, вступает в определённые отношения с объектом, который он представляет (и это представление должно быть понято интерпретатору, или интерпретирующему сознанию), порождает другие знаки, вступая с ними в те или иные отношения. Другими словами, каждый знак всегда находится в триединстве медиума, объекта и интерпретации [Ван, 2015, с. 114]. Важно ещё раз подчеркнуть, что знаковой треугольник Пирса не предписывает ориентацию трёх элементов – это схема без «постоянной направленности» [Там же, с. 115]. Данная характеристика позволяет схеме охватить более широкий диапазон категорий подчинённых знаков. Например, икона (Icon), предложенная Пирсом, функционирует от интерпретации к медиуму и объекту, и медиум и объект означают друг друга; индекс (Index) указывает на объект от интерпретации через медиум; символ (Symbol) указывает на медиум и объект одновременно, и между ними нет прямой связи. Эти виды знаков представляют семиозисы различных векторов. Несомненно, нефиксированный характер измерения семиозиса делает семиотические исследования более полными и значительно расширяет применимость семиотической теории.

Известный русский лингвист, семиотик, академик РАН Ю. С. Степанов выдвинул аналогичную точку зрения. В качестве понятийной модели знаков он позаимствовал треугольную схему немецкого логика и математика Г. Фреге, вершинами которой являются объект, знак и понятия, а линии между вершинами не имеют фиксированного направления. Лингвист стремился создать общую семиотику, которая сравнивала бы и обобщала результаты семиотики в других отраслях и формировала бы общие законы, поэтому предложенная им знаковая структура представляет собой общую модель и может быть применена ко всем видам знаков. Отношения между тремя элементами (объектом, знаком и понятием) рассматриваются в каждой отдельной области знания неодинаково, обозначаются эти отношения разными словами и терминами, направления этих отношений также различны: «Семиотика, будучи общей теорией знаковых систем, должна снять все эти ограничения и рассматривать треугольник Г. Фреге в любом направлении» [Степанов, 1971, с. 87] (см. об этом также [Судакова, 2017]).

Проведённый анализ показывает, что нефиксированный характер направления семиозиса не может быть проигнорирован. Учитывая, что в настоящее время семиотические исследования охватывают многие области и эти области взаимосвязаны, взаимосвязанными оказываются и их семиотические системы. Принятие в качестве эпистемологической основы одномерного затвердевшего измерения семиозиса неизбежно приведёт к односторонности любого семиотического исследования.

4. Двухнаправленность семиозиса [Bidirectional semiotic processes]

Учитывая принципиальную неориентированность семиозиса мы утверждаем, что семиозис характеризуется двухнаправленностью, то есть может реализовываться в прямом

и обратном направлениях. Прямое (позитивное) направление реализуется от знака к смыслу через интерпретацию, обратное реализуется от смысла к знаку через интерпретацию. Большинство семиотиков признают позитивное направление семиозиса, которое начинается с материи или других воспринимаемых объектов, проистекая из инстинкта людей при столкновении с неизвестными предметами всегда «выяснить, что это такое», а мыслительный процесс поиска смысла – это, по сути, внутренняя интеллектуальная ассимиляция человека (и других биологических видов) с неизвестными вещами, которую можно назвать семиотической интернализацией (*semiotic internalization*) [Юй, 2012, с. 120]. Данная интеллектуальная ассимиляция – это процесс постижения смысла через интерпретацию, когда неизвестный предмет может быть изучен, понят через призму знаний и опыта, и таким образом освоен и сохранён в пространстве человеческой памяти. Однако, как мы уже неоднократно говорили, это не единственный вектор.

Обратное направление семиозиса реализуется от смысла через интерпретацию и представляет собой процесс придания смыслу формы, а качестве формы используется знак. Ранее мы упоминали трёхступенчатую теорию семиозиса У. Эко: во-первых, мыслящий субъект определяет, что нечто выполняет какую-то функцию, во-вторых, классифицирует его в соответствии с выполняемой функцией и, в-третьих, даёт ему наименование [Эко, 1990, с. 55]. Чтобы выразить свои взгляды на семиозис, Чжао Ихэн в качестве примера объекта использовал камень. Семиозис, по мнению Чжао, начался тогда, когда пользователь камня обнаружил, что камень может причинить вред другим, а именно, может быть использован для нападения на других. Такой камень был классифицирован как «оружие» и затем назван «боевым топором». В результате этот вид камня получил значение, отличное от других, являющихся статичными и закрытыми, и таким образом стал знаком [Чжао, 2016, с. 34]. Это пример прямого (позитивного) вектора семиозиса. Теперь попробуем интерпретировать эту ситуацию иначе. Предположим, что один человек ранит другого, случайно подняв камень. В этом случае первыми мыслями, которые появились в его сознании, были «атака» и «травма» (а не оружие!) и только во вторую очередь пришло понимание того, что камень явился «орудием происшествия». В этом процессе камень получил новое значение, которое привлекло его внимание как будущего пользователя. Из-за новой приобретённой функции «атака» камень становится из тривиального объекта превращается в уникальный объект, демонстрируя свою динамичность при выборе более прочных сортов камня и других материалов, при совершенствовании форм и технологий обработки и дальнейшем массовом производстве разнообразного оружия. Именно в таком процессе появляется новый знак. Данный процесс семиозиса начался не со знака, а со смысла – смысл предшествовал знаку, породив новый знак. Поскольку пользователь камня знает об этом атрибуте атаки и эта функция связана с камнем, он решает придать ему особую «идентичность» (буквально – форму каменного топора), что является типичным процессом придания формы смыслу. И если человек, который причиняет кому-то боль, использует что-то другое вместо камня (материальное или даже нематериальное, как грубое слово), то это что-то также может быть классифицировано как оружие. Когда пользователь знака классифицирует как оружие и называет «боевым топором» такие материальные объекты и нематериальные сущности (сложно не понять, например, такое выражение как «сарказм – это его боевой топор», где сарказм является нематериальной сущностью), туманная безымянная форма приобретает свою окончательную знаковую оболочку. Данный пример демонстрирует процесс семиозиса обратного направления, в котором смысл является началом, интерпретация – средой, знак – конечной целью, а придание формы смыслу – мотивацией семиозиса.

В китайской лингвокультуре имеется немало аналогичных ситуаций. На 10-м Национальном научном заседании по семантике, проходившем в Хэйлунцзянском универ-

ситете, Ю. Дай выступил с речью под названием «Дискуссия об изучении придания смысла китайским иероглифам», в которой отметил, что процесс придания смысла в китайском языке – это процесс придания формы смыслу. Как единственная в мире идеограмма, «придание формы смыслу» (因义赋形) является основным принципом формирования китайских иероглифов [Дай, 2014, с. 62]. Этот семиотический закон, в котором сначала идёт «смысл», а затем «форма», является ярким образчиком действия закона обратного семиозиса.

Разъясняя метод анализа и обучения китайским иероглифам «связь формы и значения», Ю. Дай также отметил: «В соответствии со структурой «Шести книг», мы должны следовать потенциальному закону сочетания формы и смысла китайских иероглифов, объединив древний закон словотворчества «придания формы смыслу» и современный процесс понимания «объяснения в соответствии с формой», проанализировать первоначальное значение китайских иероглифов в соответствии с формой иероглифа, а затем понять его смысл» [Дай, 2014, с. 62]. Можно обнаружить, что «придание формы в соответствии со смыслом» также является основой «объяснения в соответствии с формой». Каждый китайский иероглиф является знаком, а китайские иероглифы, особенно пиктограммы, происходят от картинок. Писать (рисовать) иероглифы можно только после постижения смысла. Причина, по которой иероглиф следует изображать именно так, а не иначе, является ядром интерпретации, которая соединяет смысл и форму. Исходя из этого, понимание смысла через форму стало одним из эффективных способов распознавания и запоминания китайских иероглифов. Таким образом, здесь мы видим, что процессы семиозиса двух направлений органично сочетаются.

Другой яркий пример обратного семиозиса мы находим у Ю. С. Степанова – Словарь синонимов и Словарь идей, последний из которых – поиск слов по смыслу. При обсуждении проблемы знаков Ю. С. Степанов использовал термины Ф. де Соссюра «означающее» и «означаемое», но перенял подход Л. Ельмслева в специфическом соотношении означающего и означаемого с фонетической оболочкой и понятием. Он утверждает, что фонетическая оболочка в языке может быть означающим понятием и наоборот, понятие можно тоже рассматривать как означающее фонетической оболочки. Эти два случая соответствуют толковому словарю, в котором узнают смысл по звучанию или написанию слова, и словарю синонимов и словарю идей, в котором находят слово, отвечающее нашей мысли [Степанов, 1971, с. 129]. Последнее представляет собой процесс обратного семиозиса, который принимает смысл в качестве отправной точки для исследования знаков. Помимо этого, каждый из нас сталкивается с необходимостью организовывать слова, чтобы выразить определённый смысл или определённую идею в нашей повседневной жизни. Это творческий процесс превращения идей в предложения, и он не может быть выражен с помощью прямого (позитивного) семиозиса.

5. Бесконечность семиозиса [The infinity of the semiotic process]

Итак, в процесс семиозиса работает механизм взаимного преобразования смыслов и знаков, который действует как в прямом, так и в обратном направлениях и имеет цепной характер. Мы считаем возможным рассматривать семиозис только в отношении к речевой коммуникации (в нашем случае – между людьми). Именно бесконечный характер коммуникации с помощью языковых средств (покуда на земле есть коммуниканты) обеспечивает бесконечность семиозиса. Разумеется, процесс семиозиса не может быть полностью линейным (хотя речь, в отличие от языка, как раз линейна), и невозможно сказать, начался ли он со знака или смысла изначально⁵, поэтому иллюстрация,

⁵ Видимо, это вопрос из разряда о том, что появилось первым – яйцо или курица.

приведённая ниже, является лишь фрагментом из длительного и сложного процесса семиозиса – парой звеньев в цепи.

В ходе коммуникативного (речевого) акта семиозис представляет собой комбинацию двух процессов – прямого и обратного, – и эти два процесса образуют последовательный и неразрывный континуум. Путь от А к В – это процесс интернализации смысла знака, а путь от В к А – это процесс экстернализация, и они попеременно могут завершать коммуникацию. Высказывание передатчика (говорящего / пишущего) сначала предоставляет знаки для процесса семиозиса, а рецепция и интерпретация адресата (слушающего / читающего) формируют смысл в сознании. Когда роли меняются, запускается обратный процесс семиозиса, который делает смысл эксплицитным и способствует продолжению коммуникации.

Таким образом, бесконечность семиозиса в нашем понимании отличается от «роста знаков» Пирса, который не основан на коммуникации, а сознательно воплощает композицию контекста, связанного знаками или несколькими пропозициями, и формирование видов знаков [Ван, 2015, с. 117]. В нём воплощена логическая связь между знаками – по сути, рост знаков является процессом роста знаков внутри системы. Но в применении к языку система – это ограниченный набор разноуровневых единиц, поэтому рост языковых знаков не может быть обеспечен ресурсами системы. Бесконечность семиозиса в нашей работе представляет собой динамический процесс трансформации смыслов и знаков в контексте коммуникативной деятельности человека. Речевое взаимодействие между говорящим и слушающим (пишущим и читающим) является «вечным двигателем» семиозиса. Используя дихотомию Соссюра «язык и речь», можно сказать, что результатом семиозиса является семиотическая языковая система, а речь, точнее речевая деятельность, обеспечивает семиозису бесконечность.

Различие между «бесконечностью» двух процессов семиозиса заключается и в воплощении субъективной роли человека. Процесс семиозиса не является автоматической, механической деятельностью по порождению смысла или трансформации знаков, и человек не является пассивным носителем результатов такого порождения или трансформации, а роль человека является ведущей в семиозисе [Фещенко, Коваль, 2014, с. 25]. Здесь неприемлемы такие обобщения, как «человек – это животное, производящее знаки», «знак – сущность человека», «человек наделяет знаки смыслом», потому что «если неясно, как проявляется субъективность и почему она может быть связана со знаковостью, то это фактически равносильно растворению субъективности, ведь в традиционном модусе смысла субъект не участвует в порождении смысла... С этой точки зрения можно легко сделать ошибочный вывод о том, что между людьми и машинами нет большой разницы» [Юй, 2012, с. 122]. Взаимная трансформация смысла и знаков не является полностью автоматической, и процесс семиозиса, будь то позитивный или обратный, должен пройти через интерпретацию, которая, как упоминалось выше, не обязательно является логической и социальной, а в реальной жизни интерпретация чаще носит личностный характер. Инициатива человека воплощается в интерпретации, отличается от логической и социальной интерпретации, личная интерпретация часто трудна для понимания. Рассуждая о субъектной регрессии генерации смысла, Ю. С. Кристева на основе психоанализа выдвинула понятие «желание двигаться» (欲动), которое сосуществует с субъектом вне структуры знака, и именно оно делает знак открытым, а смысл бесконечным [Цит. по : Сунь, 2009, с. 146]. Обратившись к социальной психологии, Юй Хунбин ввёл понятия «эмоция» и «мотив» как альтернативные термины для «желания двигаться» и сосредоточился на анализе их роли в воплощении субъективности в семиозисе. При позитивном семиозисе эмоция влияет на понимание и суждение о знаках, даже на порождение смысла; при обратном семиозисе мотив побуждает субъекта речи выбирать соответствующие средства языка, хранящиеся в ментальном лексиконе в

виде соответствующих знаков, для выражения смысла. Оба эти понятия потенциально присутствуют в интерпретации и являются воплощением субъективного начала в семиозисе. Ярким примером большей склонности семиозиса к речевой деятельности (при другом подходе – к дискурсу), а не к языковой системе является вторичный семиозис (см., напр. [Садченко, 2009 ; Успенский, 2011]).

6. Заключение [Conclusion]

Настоящее исследование имело целью выявить общее и отличное в трактовке семиозиса, количества его элементов и направлений в западных, российском и китайском семиотических учениях. Анализ 1) трудов основоположников семиотики западных философов и лингвистов Ч. С. Пирса, Ф. де Соссюра, Ч. У. Морриса, У. Эко и их более поздних интерпретаций, 2) работы известного российского лингвиста Ю. С. Степанова и 3) изысканий представителей китайского семиотического направления Чжао Ичэня, Ван Миньюй, Юй Хунбина позволило сформулировать положения, позволяющие расширить объяснительные возможности семиотики для охвата большего количества ситуаций производства языковых знаков в разных лингвокультурах. За отправную точку принято то, что самой эффективной объяснительной силой обладает триадическая схема семиозиса Ч. Пирса. Она включает динамический объект, знакового проводника (медиума) и интерпретанту и реализует многовекторный характер отношений элементов триады. Приведём сформулированные положения.

Во-первых, процесс семиозиса, реализуемый в рамках триады – это не односторонняя интерпретация знаков, а кодирующая и декодирующая деятельность, ориентированная на превращение знака в смысл и смысла в знак, поэтому в семиозисе выделяется два направления: прямое и обратное. Взаимная трансформация знака и смысла составляет ядро двунаправленного процесса семиозиса. Во-вторых, интерпретация как мост, соединяющий знак и смысл, фактически соединяет два мира – разум и материю, но интерпретация часто бывает не логической, а индивидуальной. Именно такая индивидуальность способствует процессу обратного семиозиса. Процесс обратного семиозиса чаще происходит в творческой деятельности человека, где смысл предшествует знаку, а субъективная инициатива человека является мотивом к проявлению смысла в виде знаков. В-третьих, двунаправленный процесс семиозиса реализуется как единое целое в коммуникативной (речевой) деятельности, что обеспечивает свойство бесконечности трансформации смыслов и знаков, где субъективное начало является ядром. Это отличает наше динамичное понимание бесконечности семиозиса от понимания бесконечности семиозиса в традиционных семиотических работах, постулирующих рост системы изнутри.

Благодарности [Acknowledgments]

Данная статья подготовлена в рамках проекта провинции Хэйлунцзян по философским и социальным наукам – Исследование теорий культурных концептов в России (Номер проекта: 23YUC311) и в рамках проекта фундаментальных научных исследований университетов провинции Хэйлунцзян – Семиотическое исследование трансформации смысла культурных концептов в эпоху Интернета (Номер проекта: 2023-KYYWF-0539)

Библиографический список

- Бразговская, 2019 – Бразговская Е. Е. Семиотика. Язык и коды культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2019. 187 с.
- Дзюбенко, 2023 – Дзюбенко А. И. Семиозис в художественном тексте: достоверность и ирреальность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, Вып. 4. С. 1229–1235. <https://doi.org/10.30853/phil20230186>

- Мустафин А. А. К вопросу о ключевых понятиях теории знаков Чарльза Пирса и Чарльза Морриса // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия. 2022. Вып. 3. С. 32–41.
- Садченко, 2009 – Садченко В. Т. Вторичный семиозис в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. 13 (151): Филология. Искусствоведение. Вып. 31. С. 106–121.
- Степанов, 1971 – Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 169 с.
- Судакова, 2017 – Судакова О. Н. Семиотическая концептуализация культуры в работах Ю. С. Степанова // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 2. С. 61–64.
- Успенский, 2011 – Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
- Фещенко, Коваль, 2014 – Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языкиславянской культуры, 2014. 640 с.
- Чёрненькая С. В. Семиотика Умберто Эко // Вестник МГПУ. Сер. Философские науки. 2016. № 1 (17). С. 107–112.
- Desogus, 2012 – Desogus P. The encyclopedia in Umberto Eco's semiotics // *Semiotica*. 2012. N 192. P. 501–521. <https://doi.org/10.1515/sem-2012-0068>
- Eco, 1976 – Eco U. A theory of semiotics. Bloomington: Indiana University Press. 368 p.
- Morris, 1946 – Morris Ch. Signs, Language and Behavior. New York: Prentice-Hall, Inc., 1946. xii, 365 p.
- Peirce's theory of signs, 2022 – Peirce's theory of signs // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/>
- Sebeok, 1985 – Sebeok T. Contributions to the Doctrine of Signs. Lanham, Md: University Press of America, 1985. 271 p.
- Эко, 1990 – 艾柯. 符号学理论. 北京: 中国人民大学出版社, 1990 年, 55 页 [Эко У. Теория семиотики. Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та, 1990. 55 с.].
- Дай, 2014 – 戴云. “因义赋形”“据形释义”与对外汉字教学中的“形义联想”教学法. 语文教学通讯, 2014 年第 3 期, 第 62–64 页 [Дай Ю. Методика преподавания «придания формы смыслу» и «толкования по форме» и «смысловой ассоциации» в преподавании китайских иероглифов в зарубежных странах // Преподавание китайского языка. 2014. № 3. С. 62–64].
- Барт, 1999 – 罗兰·巴特. 神话——大众文化诠释. 上海: 上海人民出版社, 1999 年, 55 页 [Барт Р. Мифология – интерпретация популярной культуры. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1999. 55 с.].
- Лю, 2014 – 刘晓萍. 皮尔斯符号学在语言研究中的继承与发展——论意向性解释三角. 西安外国语大学学报, 2014 年第 2 期, 第 23–26 页 [Лю С. Наследование и развитие семиотики Пирса в лингвистике: о треугольнике интенциональной интерпретации // Журнал Сианьского университета китайского языка как иностранного. 2014. № 2. С. 23–26].
- Соссюр, 2015 – 索绪尔. 普通语言学教程. 北京: 商务印书馆, 2015 年, 95 页 [Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пекин: Коммерческая пресса, 2015. 95 с.].
- Сунь, 2009 – 孙秀丽. 符号实践的前符号态与符号象征态研究. 外语学刊, 2009 年第 6 期, 第 146–149 页 [Сунь С. Досемиотические и семиотические исследования символической практики // Журнал иностранных языков. 2009. № 6. С. 146–149].
- Юй, 2012 – 余红兵. 文化符号学的新视角: 符号的感知与意义的半自动生成. 俄罗斯文艺, 2012 年第 2 期, 第 119–124 页 [Юй Х. Новый взгляд на культурную семиотику: восприятие знаков и полуавтоматическое генерирование смысла // Литература и искусство России. 2012. № 2. С. 119–124].
- Ван, 2015 – 王铭钰. 语言符号学. 北京: 北京大学出版社, 2015 年, 第 475 页 [Ван М. Лингвосемиотика. Пекин: Изд-во Пекинского уни-та, 2015. 475 с.].
- Чжао, 2016 – 赵毅衡. 符号学原理与推演. 南京: 南京大学出版社, 2016 年, 第 2, 33–35, 49–50 页 [Чжао И. Семиотические принципы и дедукция. Нанкин: Изд-во Нанкинского ун-та, 2016. Т. 2 (33–35). С. 49–50].

References

- Brazgovskaya, E. E. (2019). *Semiotika. Yazyk i kody kul'tury* [Semiotics. Language and culture codes]. 2nd edn., with corrections and addenda. Moscow : Yurayt Press.
- Dzyubenko A. I. (2023). Semiozis v khudozhestvennom tekste: dostovernost' i irreal'nost' [Semiosis in a literary text: Authenticity and irreality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 16 (4), 1229–1235. <https://doi.org/10.30853/phil20230186>
- Mustafin, A. A. (2022). K voprosu o klyuchevykh ponyatiyakh teorii znakov Charl'za Pirsya i Charl'za Morrisa [Revisiting the key concepts of the theory of signs of Charles Peirce and Charles Morris]. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy], 3, 32–41. (In Russ.).
- Sadchenko, V. T. (2009). Vtorichnyy semiozis v khudozhestvennom tekste [Secondary semiosis in a literary text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 13 (151), 106–121.
- Stepanov, Yu. S. (1971). *Semiotika* [Semiotics]. Moscow : Nauka Press.
- Sudakova, O. N. (2017). Semioticheskaya kontseptualizatsiya kul'tury v rabotakh Yu. S. Stepanova [Semiotics conceptualization of culture of Y. S. Stepanov]. *Vestnik SpbGUKI* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture], 2, 61–64.
- Uspenskij, B. A. (2011). Deyksis i vtorichnyy semiozis v yazyke [Deixis and secondary semiosis in language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2, 3–30.
- Feshchenko, V. V., & Koval, O. V. (2014). *Sotvorenie znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Creating a sign: Essays on linguistics and semiotics of art]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Chernenkaya, S. V. (2016). Semiotika Umberto Eko [Umberto Eco's semiotics]. *Vestnik MGPU. Ser. Filosofskie nauki* [MCU Journal of Philosophical Science], 1 (17), 107–112.
- Desogus, P. (2012). The encyclopedia in Umberto Eco's semiotics. *Semiotica*, 192, 501–521. <https://doi.org/10.1515/sem-2012-0068>
- Eco, U. (1976). *A theory of semiotics*. Bloomington : Indiana University Press.
- Morris, Ch. (1946). *Signs, Language and Behavior*. New York : Prentice-Hall, Inc.
- Peirce's theory of signs. (2022). *Peirce's theory of signs*. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. <https://plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/>
- Sebeok, T. (1985). *Contributions to the Doctrine of Signs*. Lanham, Md : University Press of America.
- Eco, U. (1990). *A theory of semiotics*. Beijing : Renmin University of China Press. (In Chinese).
- Dai, Y. (2014). Yin yi fu xing “ju xing shi yi” yu dui wai han zi jiao xue zhong de “xing yi lian xiang” jiao xue fa [Methods to teach “shaping the meaning”, “interpretation by form” and “semantic associations” for Chinese-as-L2 learners]. *Yu wen jiao xue tong xun* [Teaching Chinese], 3, 62–64.
- Bart, R. (1999). *Mythologies*. Shanghai : Shang Renmin University Press. (In Chinese).
- Liu, X. (2014). Pi er si fu hao xue zai yu yan yan jiu zhong de ji cheng yu fa zhan – lun yi xiang xing jie shi san jiao [Developing Ch. Pierce's semiotic heritage: The triad of intentional interpretation]. *Xi an wai guo yu da xue xue bao* [Sian University Journal of Teaching Chinese as L2], 2, 23–26.
- Saussure, F. de. (2015). *General linguistics*. Beijing : Shang wu yin shu guan Press.
- Sun, X. (2009). Fu hao shi jian de qian fu hao tai yu fu hao xiang zheng tai yan jiu [Pre-semiotic and semiotic periods of studying symbols]. *Wai yu xue kan* [The Journal of Foreign Language Teaching], 6, 146–149.
- Yu, H. (2012). Wen hua fu hao xue de xin shi jiao: fu hao de gan zhi yu yi yi de ban zi dong sheng cheng [New glance at semiotics in culture: Perceiving signs and automatic production of meaningful units]. *E luo si wen yi* [Literature and Art of Russia], 2, 119–124
- Wang, M. (2015). *Yu yan fu hao xue* [Lingosemiotics]. Beijing : Beijing University Press.
- Zhao, Y. (2016). *Fu hao xue yuan li yu tui yan* [Semiotic principles and deduction]. Nanjing : Nanjing University Press.